

СВТ. ГРИГОРИЙ ВЕЛИКИЙ,
ДВОЕСЛОВ

МОРАЛИИ НА ИОВА.
КНИГА XXVII
(Часть I)

ПЕРЕВОД С ЛАТИНСКОГО¹
И ПРИМЕЧАНИЯ

Владимир Михайлович Тюленев,

доктор исторических наук, профессор кафедры
всеобщей истории и международных отношений
Ивановского государственного университета;
153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39;
tyulenev.vl@yandex. Ru

Для цитирования: *Григорий Великий, Двоеслов, свт. Моралии на Иова. Книга XXVII. (Часть I)* / пер. с лат. В.М. Тюленева // Диакрисис. 2023. № 1 (17). С. 139–168. DOI: 10.54700/diakrisis.2023.1.17.005

Аннотация.

УДК 27-277.2 (821.124)

Вниманию читателя предлагается впервые переведенная полностью на русский язык XXVII книга крупного экзегетического трактата «Моралии на книгу Иова» (а точнее, «Толкование на Книгу Иова, или Нравственные толкования» — *Expositio in librum Iob sive Moralia*) свт. Григория Великого, Двоеслова, папы Римского (540–604), написанного в 35 книгах на основе бесед свт. Григория еще во время его служения апокрисиарием Римского епископа в Константинополе. В данной книге толкуются строки Иов 36, 22–37, 24, в которых излагается диалог праведного Иова и его друга Елиуя. Смыслы же, которые свт. Григорий

¹ Перевод с латинского языка выполнен по латинскому тексту из серии CCSL: *Sancti Gregorii Magni Moralia in Iob* / Cura et studio Marci Adriaen (CCSL, voll. CXLIII, CXLIII A, CXLIII B. Turnhout: Brepols, 1979, 1985), помещенному в итальянском издании *San Gregorio Magno “Commento morale a Giobbe”*, voll. 1–4 / Cura P. Siniscalco, E. Gandolfo. Roma: Città nuova, 1992–2001. В квадратных скобках в русском переводе указаны страницы этого издания.

затрагивает в толковании речей обоих лиц, заключают в себе весьма широкий христианский тематический спектр: грехопадение человеческого рода, необходимость Пришествия Икупителя, Боговоплощение и искупительное дело Господа Иисуса Христа, жизнь Церкви и праведных, нечестивых и кающихся в своих грехах, грех, благодать, наказания Божии, ступени духовной жизни и добродетели христианина и др.

Ключевые слова: Иисус Христос, свт. Григорий Великий, Двоеслов, книга Иова, христианство, христианская Церковь, библейская экзегеза.

I, 1. Всякий, кто стремится получить знание из великих суждений², произнесенных высокомерными людьми, должен всячески избегать подражания тому, в чем знание их делает надменным, чтобы вместе с благонравными словами не приобрести пороки их образа жизни и, подражая их умению красиво говорить, не уязвить себя их неумением жить. Ведь когда мы слышим, сколь важные слова они произносят, и при этом видим, насколько они надмеваются от своих важных слов, мы, будто бы войдя в сад учения, взираем на розы на колючих кустах. И мы должны поступать правильно: срывать то, что благоухает, и остерегаться того, что колется, чтобы неумелая рука собирателя не оказалась вдруг поранена шипами их нравов, если цветы их слов срываются будут беспечно.

Так вот, ученый и при этом высокомерный Елиуй порой оглашает то, что благоухает, а порой то, что колется. Потому необходимо взять из его учения то, что источает приятный аромат, при этом, однако же, остерегаясь того, что может ранить из его надменности. Выше он немало сказал того, что наполнено нравственным смыслом, в последующих же словах он поднялся до тайн пророчества. Ибо он оставил низины морали и взошел на вершину пророчества.

2. При этом не следует удивляться тому, что высокомерный муж может быть исполнен пророческого духа, если и Саул также был в числе пророков (см. 1 Цар. 10, 10–11; 19, 24). Но зачем мы говорим о Сауле, когда знаем, что даже ослица при виде Ангела произносила разумные слова (см. Чис. 22, 28; 2 Пет. 2, 16)? Но как неразумное животное смогло произнести разумные слова, однако же не смогло обрести разумную природу, так и недостойный человек довольно часто хотя и получает святыя слова через дух пророчества, однако же не может снискать славу святости, так что в словах он возвышается над собой, а образом жизни остается пребывать внизу. Потому Елиуй, не отличающийся смирением, видит смиренное Пришествие Исккупителя нашего и пророчески возвещает Того, против Кого ведет борьбу своими нравами. Он говорит:

II, 3. «Вот, Бог высок могуществом Своим, и нет подобного Ему среди законодателей» (ср. Иов 36, 22).

² Судя по контексту, свт. Григорий говорит о словах, которые произносятся людьми недостойными, но при этом порой содержат истину. — *Примеч. пер.*

Он как будто бы сказал: «Тот, Кого видят смиренным в немощи, остается высок могуществом». Об этом также свидетельствует Павел, когда говорит: *хотя Он и распят в немощи, но жив силою Божиею* (2 Кор. 13, 4). О Нем справедливо Елиуй добавляет: «и нет подобного Ему среди законодателей». Законодателем был Моисей, законодателем был Иисус Навин, законодателями были также пророки. Мы можем назвать законодателями всех, кто, как нам известно, правильно увещевал народ, исходя из закона. Но нет среди законодателей никого, подобного этому Посреднику, потому что те, благодатью призванные от грехов к [Р. 538] праведности, посредством проповеди возвращали других людей из [плена] грехов, которые когда-то несли на себе, наш же Искупитель — Человек без греха, Сын без усыновления, Он никогда не совершал того, что изобличал. И Он говорил с миром через [Своего] человека так же, как через божество правит этим же миром испокон веков. Потому некоторые полагали, что этот *Посредник между Богом и человеками* (2 Тим. 2, 5) был подобен законодателям. Ведь когда Он спросил: «За кого люди почитают Сына Человеческого?» (ср. Мф. 16, 13), ученики ответили Ему: «Одни — за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные — за Иеремию или одного из пророков» (ср. Мф. 16, 14). Но [только] Петру Он открыл в полной мере, сколь высок Он в силе, ибо тот, правильно оценивая Его, отверг равенство с Ним других законодателей, сказав: *Ты — Христос, Сын Бога живаго* (Мф. 16, 16). Поэтому правильно о Нем говорит невеста в Песни Песней: *На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его и не нашла его* (Песн. 3, 1). И чуть позже: *Встретили меня стражи, обходящие город* (Песн. 3, 3). О них она еще говорит: *изранили меня, сняли с меня покрывало* (Песн. 5, 7). Она вновь спрашивает их: *не видали ли вы того, которого любит душа моя?* И говорит: *Но едва я прошла мимо них, как нашла того, которого любит душа моя* (Песн. 3, 3–4).

4. Ибо ищет она ночью Возлюбленного на ложе, потому что в сокровенных чертогах сердца жаждет Его, пребывая в терзаниях духа. И все же хотя невеста ищет Его, однако же не находит, потому что всякая избранная душа, хотя и горит уже пламенем любви к Нему, однако ей не дано еще видеть лица Того, Кого она ищет; это для того, чтобы жажда любви только возрастала. Сие похоже на то, как жаждущему человеку не дают воды, чтобы тем самым еще больше разжечь в нем чувство жажды, дабы чем дольше он испытывает жажду, тем большим оказался его аппетит, когда он обретет воду. Но стражи встретили ее,

когда она искала Его, ранили ее и сняли покрывало: когда неравнодушные учителя встречают какую-либо душу, уже ищущую взгляд Искупителя своего, они ранят ее стрелами небесной любви, пущенными посредством слова проповеди, и, если над ней есть еще покров прежнего образа жизни, снимают его, чтобы тем быстрее смогла найти Того, Кого ищет, чем скорее она будет избавлена от бремени этого мира. Но справедливо добавлено: *Но едва я прошла мимо них, как нашла того, которого любит душа моя*. Потому что ум, жаждущий увидеть Его, не найдет Того, Кто превыше людей, иначе как оставив позади себя величие пророков, важность патриархов и меру всех людей. Таким образом, пройти мимо стражей значит поставить ниже Него даже тех, кому удивляется душа. И в том случае будет доступен взору Тот, Кого ищет душа, если Он будет считаться хотя и человеком, однако же превосходящим меру людей. Потому справедливо тут говорится: «и нет подобного Ему среди законодателей» (ср. Иов 36, 22).

Но Он, истинно явившийся нашим взорам посредством немощи плоти, осуждая одних и призывая других, выносил удивительные приговоры, которые могут быть осознаны нами и не могут быть нами постигнуты. Ибо Он говорит: *на суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы* (Ин. 9, 39). И еще раз: *славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам* (Мф. 11, 25; Лк. 10, 21). [Р. 540] Этими именно словами были отвергнуты иудеи и собраны язычники. Разумеется, мы можем поражаться тому, что так произошло, но совершенно не можем постичь это.

Поэтому справедливо добавляется тут Елиуем:

III, 5. *Кто укажет Ему путь Его; кто может сказать: Ты поступаешь несправедливо?* (Иов 36, 23).

Он как будто бы сказал: «Как можно упрекать Того, Чьи действия постичь невозможно?» Ибо никто не может вынести суждение о том, чего он не знает. Потому, когда Он выносит Свой приговор, мы должны хранить молчание, сознавая, что не видим причину Его приговоров. Поэтому справедливо добавлено:

IV, 6. *«Помни о том, что ты не ведаешь дел Того, Кого воспевали мужи»* (ср. Иов 36, 24).

В Священных Писаниях под мужами порой упоминаются Ангелы, а порой совершенные люди. О том, что мужем порой называется Ангел, свидетельствует пророк Данииил, который сказал: *муж Гавриил*

(Дан. 9, 21). С другой стороны, о том, что мужами называются люди совершенной жизни, говорит в Притчах Премудрость: «О, мужи, *к вам взываю я*» (Притч. 8, 4). Так вот, мужи воспевают Господа, когда либо высшие духи, либо некие совершенные учителя открывают нам Его могущество.

Однако дела Его неведомы, и потому, без сомнения, даже те, кто проповедают Его, почитают суждения Его непостижимыми. Так что они знают, Кого проповедают, и при этом не ведают дел Его, потому что по благодати они знают, Кем сотворены, но не могут разъяснить суждений Его, которые выше их разумения.

О том, что всемогущий Бог не виден со всей очевидностью в Своих деяниях, свидетельствует псалмопевец, говоря: «тьмою покрыл чертоги Свои» (ср. Пс. 17, 12). И еще: «Суждения Твои — *бездна великая*» (ср. Пс. 35, 7). И вновь: «Бездна, как покров, — одеяние Его» (ср. Пс. 103, 6). Поэтому правильно сказано также и Соломоном: *Как ты не знаешь путей ветра и того, как образуются кости во чреве беременной, так не можешь знать дело Бога, Который делает все* (Еккл. 11, 5).

7. Вот, к примеру, на свет появляются два ребенка, но одному дано достичь искупления через Крещение, другой же умирает прежде, чем возрождающая вода покроет его. И часто сын верующих родителей умирает без веры, в то время как сын неверующих родителей обновляется, приняв таинство веры. Но, возможно, кто-то скажет, что Бог знал, что тот [первый] будет поступать нечестиво даже после Крещения и потому не привел его к благодати Крещения. Но если это так, то получается, что грехи некоторых людей наказываются еще до того, как они совершены. И кто, если судит правильно, может сказать, что всемогущий Бог, Который избавляет одних от уже совершённых грехов, осуждает в других даже несовершенные грехи?

Так вот, суждения Его сокровенны, и почитаться они должны с тем большим смирением, чем больший мрак мешает их постичь. Пусть же скажет: «*Помни о том, что ты не ведаешь дел Того, Кого воспевали мужи*». Как будто бы он прямо сказал: «Дела Того, о Ком говорили великие мужи, сокрыты от глаз твоего ума, потому что они превосходят меру твоего ведения, поскольку ты ограничен своей человеческой природой». Далее следует: **[Р. 542]**

V, 8. «Все люди видят Его, и всякий устремляет взор вдаль» (Иов 36, 25).

Всякий человек из-за того, что создан разумным, должен на основании разума прийти к заключению, что Создатель его — Бог. «Видеть

Его», несомненно, означает созерцать с помощью разума Его Господнюю власть. Потому после слов: «Все люди видят Его» правильно было добавлено: «всякий устремляет взор вдаль». «Взирать на Него издали», разумеется, означает уже не созерцать Его через видение, но пока еще любоваться, восхищаясь делами Его. Даже избранные взирают на Него теперь издали, поскольку у них нет еще остроты внутреннего взора, чтобы различать Его сияние. Хотя они уже и близки к Нему благодаря любви, однако же все еще отделены от Него, поскольку несут на себе бремя земной обители (ср. Прем. 9, 15). И хотя они прилепляются к Нему посредством благого образа жизни, все же вздыхают о том, что далеки от того, чтобы созерцать Его. Разумеется, и нечестивые будут видеть Его также издали, когда узрят Его, пришедшего судить, потому что они увидят Его не в образе божества, но в образе человека, в каком Он только и может быть воспринят [ими]. Ведь их злые дела, о которых им тогда напомнят, поразят их очи. И в то время как они будут видеть как человека Того, славу божества Которого не видят, они чудесным образом окажутся далеко от созерцания Того, Кого увидят. Но коль скоро было сказано: «*Помни о том*, что ты не ведаешь дел Его», а потом добавлено: «Все люди видят Его» (а видеть Его, как мы уже говорили, значит с помощью разума сознать Его всепроникающую сущность), то весьма удивительно, что мы и видим Его, и не ведаем дел Его. Мы, разумеется, не сомневаемся относительно Его сущности, однако же у нас нет уверенности относительно Его суждений. То, что более значимо, понятно для нас, а то, что менее значимо, скрыто от нас. Ибо дела Его, безусловно, менее значимы, чем Он Сам. И мы видим Того, Кто совершает дела, но пребываем во тьме относительно дел, ибо не ясна причина, по которой что-то совершается, но нет никакой неясности по поводу того, кем является Тот, Кто это совершает. Пусть же человек скажет: «*Помни о том*, что ты не ведаешь дел Того, Кого воспевали мужи; все люди видят Его, и всякий устремляет взор вдаль», потому что посредством разума мы видим, что существует Тот, суждений Которого мы совершенно не можем постичь. И мы смотрим на Него издали, потому что отделены от могущества Его мраком нашей немощи. Далее следует:

VI, 9. «Вот, Бог велик и превосходит наше знание» (ср. Иов 36, 26).

Выше он сказал: «Вот, *Бог высок*» (Иов 36, 22), а теперь еще раз говорит: «Вот, Бог велик». Почему же, говоря о Боге, он произносит «вот» и повторяет «вот», если не потому, что мы говорим «вот», когда

указываем на то, что находится перед нами? И поскольку Бог пребывает повсюду, то, когда в отношении Него говорят «вот», указывают, что Он присутствует даже для тех, кто Его не видит. Но [Елиуй] правильно говорит, что Тот, Кого, как он сказал, не видят люди, превосходит наше знание, потому что хотя Он созерцается разумом, однако же никакая острота наших чувств совершенно не проникает величия Его. Ибо все, что мы знаем о сиянии величия Его, ниже Его Самого; и чем больше мы предполагаем, что постигли силу Его, тем больше мы отдалекаемся от знания о Нем. Ибо хотя ум наш восхищается вверх, однако же [Р. 544] безмерность Его величия превосходит его. Тогда мы отчасти знаем то, что присуще Ему, когда чувствуем, что не можем знать Его подобающим образом. Далее следует:

VII, 10. *Число лет Его* неисчислимо (Иов 36, 26).

Он хотел каким-то образом выразить вечность и назвал протяженность самой этой вечности «летами». В самом деле, когда мы хотим «растянуть» краткое время, мы называем мгновения часами, часы днями, дни месяцами, месяцы же годами. Но поскольку он хотел сказать о чем-то длительном, но не нашел, как это выразить, он сказал, что годы у Бога не могут быть оценены с помощью чисел, произнеся: «*число лет Его* неисчислимо», чтобы, увеличивая длительность того, что само по себе весьма длительно, человеческая немощь осознала, что она не в силах измерить протяженность вечности. Поэтому устремил свое око в вечность, чтобы узреть Бога, есть ли у Него начало и как далеко Он простирается, — и ты не найдешь никакого начального предела, потому что бытие Его безначально, и не найдешь никакого конечного предела, потому что бытие Его бесконечно. Все ограничивается внутри Него, Сам же Он простирается вокруг всего, не имея ни пространства, ни места. Так вот, все, что сотворено, со всех сторон окружено тем всеобъемлющим Началом, Которым оно сотворено. И, следуя собственному закону, все, что сотворено, спешит к небытию, поскольку появилось из небытия.

11. Но некоторые вещи чудесным образом получили такую особенность, что хотя они имеют отправную точку, однако же не имеют какого-либо окончания: хотя они получили бытие, однако же не утрачивают своего бытия навечно. Но их вечность не похожа на высшую вечность, поскольку их вечное бытие имело начало. Когда мы смотрим на пределы их бытия, мы не видим конца их — его нет совершенно; однако же мы представляем их начало, когда устремляем свой ум

в прошлое. И когда мы устремляем наши помыслы к их началу и к концу, совершенно не понимаем, как долго они будут существовать, но видим, откуда они взяли начало. Но поскольку Богу присуща некоторая длительность в вечности, и эта длительность не имеет ни начала, ни конца, и поскольку Он не допускает Собой ни того, откуда Он получил бытие, ни того, как долго оно продлится, потому-то и сказано: «*Число лет Его* неисчислимо». Посредством того, что сказано о числе лет Его, показано, что бытие Его длительно; посредством же того, что упомянуто, что число сие неисчислимо, внушается, что бытие Его бесконечно и непостижимо.

Однако поскольку мы признаём, что Он открывается умам людей, ибо все люди видят Его, и поскольку мы видим, что они восхищаются величием Его, ибо число лет Его неисчислимо, нам остается услышать теперь, каковы Его дела. Далее следует:

VIII, 12. «Он забирает звезды дождя и изливает ливни потоком» (Иов 36, 27).

В сей жизни есть два рода праведников: одни — это те, кто живет праведно, но ничему не учит; другие — те, кто живет праведно и столь же праведно учит. Это подобно тому, как на небе бывают звезды, одни из которых не вызывают никаких дождей, а другие орошают жаждущую землю щедрыми ливнями.

И вот в Святой Церкви всегда есть люди, которые ведут праведную жизнь, однако же они не умеют эту самую праведность проповедовать; они хотя и являются звездами, однако рожденными в сухости воздуха, потому что они могут светить другим примером своей праведной жизни, **[Р. 546]** но не в состоянии пролить дождь из слов проповеди.

Когда же некоторые и сами живут праведно, и другим изливают эту праведность посредством слов проповеди, то словно бы на небе появляются звезды, чтобы вызвать дождь: они как озаряют заслугами своей жизни других, так и ниспосылают дождь посредством слов проповеди.

Разве в качестве звезды, вызывающей дождь, не явился на небе Моисей, который, сияя с небес, орошал сердца грешников дождем святого увещания, словно жаждущую землю ради обильных всходов? Разве не явился в качестве звезды дождя Исаия, который, предвидя свет Истины, орошал сухие сердца неверующих, возвещая слова пророчества? Разве не были подобны звездам дождя, водруженным на небо, Иеремия и прочие пророки, которые, достигнув высот проповедования, осмеливались свободно обличать нечестивость грешников

и тем самым словно бы капли слов ниспосылали на сухой песок людского ослепления? Когда же Вышний суд уносит души таких людей из сей жизни, исторгнув их из тленной плоти, то будто звезды дождя удаляются с лика небес: сии звезды возвращаются в сокровенные места, когда души святых, пройдя свой путь, помещаются в сокровищницу Глубочайшего Промысла.

13. Но поскольку земля бы иссохла, если бы при исчезновении звезд дождя перестали свыше изливаться дожди, правильно сказано: «Он забирает звезды дождя и изливает ливни потоком». Ибо когда Господь забрал пророков, Он послал вместо них апостолов, чтобы они изливались, словно поток, после того, как по удалении древних отцов прекратилось внешнее проповедование Закона.

Так вот, Он скрывает звезды дождя и изливает ливни потоком в том смысле, что после того, как проповедники Закона были помещены в сокровенные и потаенные места, еще обильнее излилась проповедь в словах тех людей, что пришли вослед им.

14. Звездами дождя также могут быть названы святые апостолы, о которых сказано было в осуждение Иудее через пророка Иеремию: *были удержаны* звезды дождя, *и не было дождя позднего* (Иер. 3, 3). Так вот, Господь удалил звезды дождя и излил ливни потоком в том смысле, что, забрав из Иудеи проповедовавших апостолов, Он оросил мир учением новой благодати.

И то и другое не без основания может быть понято как то, что произошло в Церкви, ибо, когда Господь, исторгнув из тел, удалил души апостолов в тайные лона небес, Он как бы скрыл с лица земли звезды дождя. Но, забрав звезды дождя, Он дал ливни наподобие потоков в том смысле, что, забрав в вышние области апостолов, Он через языки последующих толкователей открыл путь для щедрых потоков Божественного знания, долгое время остававшегося сокрытым. Ведь то, что апостолы говорили кратко, они в своих истолкованиях значительно расширяли. Потому не без основания сама проповедь истолкователей сравнивается с потоками, поскольку, собрав сказанное многочисленными предшественниками и прибавив к сказанному [свои пояснения], эти [истолкователи] распространяли все это вширь. Ведь, присоединяя к свидетельствам свидетельства, они словно бы из **[Р. 548]** капель создавали потоки. Когда язычники каждодневно учатся их словам и ум грешников получает небесное знание, происходит нечто, подобное тому, как вода, пребывающая на земле,

превращается в потоки. Пусть же, однако, истолкователи эти не ставят себя выше апостолов в знании, когда, истолковывая, говорят гораздо пространнее. Ибо они должны постоянно помнить, через кого они обрели это знание открытым. Поэтому уместно добавлено:

IX, 15. «Которые изливаются *из облаков*» (ср. Иов 36, 28).

Разумеется, эти потоки изливаются из облаков, потому что, если бы сила понимания не получила начало от святых апостолов, то никогда бы не излилась она более обильно из уст учителей. В самом деле, в Священных Писаниях «облаками» порой именуются непостоянные люди, порой пророки, порой же апостолы.

Облаками называется непостоянство человеческого ума, как сказано у Соломона: *Кто наблюдает ветер, тот не сеет; и кто смотрит на облака, никогда не жнет* (ср. Еккл. 11, 4). Ветром он называет, без сомнения, нечистый дух, облаками же — людей, которые подвластны ему; сей дух столь часто гоняет их туда и сюда, взад и вперед, сколь часто искушения его сменяют друг друга в сердцах их порывами внушений. Потому тот, кто наблюдает за ветром, тот не сеет, потому что тот, кто боится грядущих искушений, не обращает сердце свое к добрым делам. И тот, кто смотрит на облака, не жнет, потому что тот, кто трепещет от страха перед человеческим непостоянством, лишает себя воздаяния вечной награды.

Облаками именуются пророки, как сказано у псалмопевца: «Темная вода в облаках воздушных» (Пс. 17, 12), то есть скрытое в пророках знание. Также облаками называются апостолы, как сказано у Исаии: *и повелю облакам не проливать на него дождя* (Ис. 5, 6). Итак, они — звезды, потому что сияют заслугами жизни, а облака они — потому что орошают сухую землю нашего сердца потоками небесного знания. Ибо если бы они не были облаками, то никогда бы пророк не сказал, провидя их: *Кто это летят, как облака?* (Ис. 60, 8).

Итак, «потоки изливаются из облаков» в том смысле, что излитые наставления тех, кто шли вослед святым апостолам, начало своего разумения получили от них. Об этих облаках еще уместно добавлено:

X, 16. «Которые покрывают все сверху» (ср. Иов 36, 28).

Если мы поднимаем глаза к небу, когда воздух сверху покрывают облака, то мы видим не небо, а их, и наше зрение не проникает в эфирные области, ибо его немощь скрывает их от него. Когда же с неба светит солнце, зрение воспринимает сначала воздух, разлитый между облаками, чтобы потом созерцать солнечные лучи в небе. И вот,

поскольку мы люди плотские, то, стремясь достичь небесных вещей, мы как бы поднимаем наши глаза к небу, устремляем взор в небо, ибо, угнетенные связью с плотским, мы тщимся получить знание о небесном. Но поскольку нашему разуму не дано перейти к Божественным вещам (разве только он будет упрочен примерами живших прежде святых), глаз наш как бы взирает на небо, но видит облака, ибо он стремится узреть то, что принадлежит Богу, но способен лишь восхищаться тем, что связано с людьми. Потому сказано в другом месте: «ты, чудесным образом просветляющий с вечных гор» (ср. Пс. 75, 5). Ибо тот, кто не может видеть восходящего солнца, [Р. 550] смотрит на горы, озаренные лучами, и узнает [по ним], что солнце взошло.

Так вот, Бог просветляет нас с вечных гор в том смысле, что, предлагая нам достойную восхищения жизнь бывших прежде отцов, Он озаряет нас лучом Своего сияния. И вот сила преданности и любви к Господу воспаляет нас, но лучше укрепляемся мы в этой преданности и любви через созерцание сих облаков. Ибо кто преданнее Петра? Кто исполнен любви более Иоанна? Один благодаря своей преданности не побоялся пойти по текучим волнам моря (см. Мф. 14, 28). Другой в любви своей возлежал у груди Создателя нашего и, придя на вечерю для телесного подкрепления, получил из груди Искупителя духовную пищу (см. Ин. 13, 23).

17. Но поскольку мы сказали, что облаками именуются также пророки, необходимо, чтобы мы привели еще примеры древних отцов. Смотрите, когда мы жаждем покорно подчиняться небесным заповедям, нам помогают размышления о следах, оставленных древними отцами.

Ибо кто покорнее Авраама, который по одному слову Господа оставил свою родню и отчизну (см. Быт. 12, 1–4) и ради обретения вечного наследства не побоялся заколоть того, кого уже старцем и почти на пороге смерти получил в наследники (см. Быт. 22, 10)?

Когда мы пытаемся обрести добродетель терпения, мы смотрим на примеры предшественников. Ибо кто терпеливее Исаака, который несет дрова, спрашивает о всесожжении и вскоре после того оказывается связанным, [однако] молчит и не противится, будучи положен на жертвенник (см. Быт. 22, 10)? Кто же может быть назван более терпеливым, чем сей муж, который был веден как бы для утешения и спрашивал о нем, который, будучи связан для заклания, молчит, который спрашивает в тот момент, когда его готовы уже принести

в жертву всесожжения, и молчит, когда должен быть принесен в жертву (см. Быт. 22, 6–9)?

Когда мы тщимся препоясать себя терпением в трудах, мы укрепляемся предшествующими примерами. Ибо кто трудолюбивее Иакова, который, хотя и был близок к Лавану по праву родства, столь долго исполнял обязанности раба и служил, подобно слуге, чтобы насладиться наградами наследника (см. Быт. 29, 13–25; 30, 26–43)?

И когда мы стараемся взойти на вершину воздержания и целомудрия, нас поддерживают примеры тех, кто шел прежде. Ибо кто целомудреннее Иосифа, который, даже плененный, не попал под ярмо похоти по желанию своей развязной госпожи (см. Быт. 39, 7–8, 12)? И хотя он был рабом людей, однако же и в рабстве был свободен от власти нечестия.

Когда мы хотим исполниться кротости, мы получаем в помощь пример тех, кто жил прежде. Ибо кто более кроток, чем Моисей, который терпит мятеж вверенного ему народа и молит гневающегося Господа за этих гонителей своих и вместо них принимает на себя божественное негодование, потому что даже от гонения воспаляется любовь в его святой груди (см. Исх. 32, 32)?

Когда мы пытаемся, чтобы противостоять невзгодам мира, воспитать в себе постоянство ума, мы ищем поддержку в размышлениях о наших предшественниках. Ведь кто более постоянен, чем Иисус [Навин], который, будучи послан разузнать об особенностях язычников, не испугался ни их физической мощи, ни их многочисленности (см. Чис. 13–14)? Потому-то он и победил эти самые народы в битве, ибо не испугался их, когда разузнавал о них (см. Нав. 6, 11).

Когда мы тщимся достичь высот доброты, мы руководствуемся примерами предшественников. Ибо кто исполнен доброты более, чем Самуил, который, [Р. 552] лишившись власти над народом, смиренно подыскивает себе преемника (см. 1 Цар. 8, 5–6), помазывает его, возведенного в цари, и вскоре терпит [огорчения] от помазанного им гонителя (см. 1 Цар. 10, 1). Он боится претерпеть смерть от него и все же молит Господа не гневаться на того. Ибо он сам, будучи послан [Господом к Иессею], сказал: *Саул услышит и убьет меня* (1 Цар. 16, 2). И Истина говорит ему: *доколе будешь ты печалиться о Сауле, которого Я отверг?* (1 Цар. 16, 1). Так вот, кто может быть назван более добрым, чем сей муж, который не хочет, чтобы Бог поразил того, чьей рукой он сам боится быть убитым?

Когда мы восходим к милосердию и смирению, мы ищем поддержку в примерах предшественников. В самом деле, кто может быть назван более милосердным, более смиренным, чем Давид, который за победы свои претерпел от нечестивого царя обиды, который силою своей избавил израильский народ от руки врагов его и все же сам бежал, словно немощный, чтобы не быть убитым (см. 1 Цар. 19, 10–12)? Он знал, что суждением Божиим был избран, а гонитель его отвергнут, и все же со смирением покорился этому самому гонителю своему, постоянно прощая его; он забрал копье у гонителя своего (см. 1 Цар. 26, 12), отрезал край одежды его (см. 1 Цар. 24, 5) и тотчас поспешил на вершину горы и тем самым в одно и то же время и показал, что у него была возможность убить [Саула], и молил, чтобы тот не был убит (см. 1 Цар. 26, 15–16).

18. И вот, поскольку мы воспитываемся на предшествующих примерах во всем, чего мы духовно жаждем, справедливо сказано о тех облаках: «Которые покрывают все сверху» (ср. Иов 36, 28). Ибо свыше покрывает нас жизнь отцов наподобие облаков, чтобы мы были орошены и смогли принести плоды. И, взирая на небо, мы как бы сначала созерцаем облака, потому что сначала мы с восхищением созерцаем поступки добрых людей, а потом опытом своим достигаем небесных вещей. Но поскольку жизнь и добродетели этих облаков, то есть этих древних отцов, никогда не были бы открыты нам, если бы другие облака, то есть святые апостолы, не озарили их светом своей проповеди, то пусть разговор наш обратится к тем облакам, которые с проповедью ходят по миру, и пусть он покажет, что Господь содейал через них в мире. Далее следует:

XI, 19. «Если Он захочет простереть облака, как шатер Свой, и сверху озарить светом Своим, то покроет море до края» (ср. Иов 36, 29–30).

Бог простирает облака, когда, открывая путь для проповеди Своим служителям, рассеивает их повсюду, по всей широте мира. Но правильно сказано: «как шатер Свой». Ведь шатер обычно ставят во время путешествия. И вот святые проповедники были отправлены в мир, они прокладывают путь Богу. Поэтому написано: *вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицем Твоим, который приготовит путь Твой* (Лк. 7, 27; Мф. 11, 10; ср. Мал. 3, 1). Поэтому еще раз сказано псалмопевцем: «Проложи путь Восходящему над западом» (ср. Пс. 67, 5). И еще: *Богже! когда Ты выходил пред народом Твоим, когда Ты шествовал*

пустынею, земля тряслась (Пс. 67, 8–9). Ибо Бог, сущий Сам повсюду, без определенного места, через проповедников Своих ходит по областям мира, по определенным местам. Потому сказано также через пророка: *Буду ходить* в них (Лев. 26, 12; 2 Кор. 6, 16). Он, конечно же, ходит посредством них, когда изливает Себя через их речи в сердца людей. [Р. 554] И в этом путешествии шатер Бога — те же самые сердца святых, в которых Он укрывается, словно бы отдыхая в пути. Приходя через них в умы людей, Он производит то, что предопределил, оставаясь недоступным взору. Потому всякая синагога называется шатром, когда Господь сетует через Иеремию на то, что священники перестали проповедовать, говоря: *некому уже раскинуть шатра Моего и развесить ковров Моих* (Иер. 10, 20). Поэтому еще раз сказано о разорении его: «Он разорил, словно сад, шатер Свой, разрушил скинию Свою» (ср. Плач. 2, 6). Поскольку Господь в то время тайно обитал среди людей через один народ, который поклонялся Ему, то этот самый народ Он и называл Своим шатром. Потому справедливо теперь шатром Его именуются те самые облака³, ибо Бог, придя к нам по благодати Своей, укрывается внутри умов проповедников Своих.

Разве Павел не был шатром Его, когда Господь пребывал в уме его, проникая в сердца смертных от Иерусалима до Иллирии (см. Рим. 15, 19)? В самом деле, он был облаком для людей и шатром для Бога, потому что, проповедуя, изливал Его в [сердца] слушателей, незримо удерживая Его в своем уме. Когда же закованный в цепи Павел направлялся в Рим, чтобы овладеть миром, Бог сокровенным образом, словно бы в шатре, шел в сердце его (см. Деян. 27–28). И в самом деле, будучи сокрытым, Он не мог быть виден, и все же, будучи оглашенным в словах проповеди, Он безостановочно следовал путем благодати.

Как облако Его появился Моисей, когда, прежде чем взять на себя руководство израильским народом, он сорок лет пребывал в пустыне и, жаждая небесного, жил в отдалении от народа. Но он сделался шатром Божиим, когда, посланный в Египет, чтобы возвратить народ (см. Исх. 3, 10), он пошел туда, неся в сердце незримую Истину, когда всемогущий Бог открылся в деле, но сокрыт был в сердце. Вездесущий и Объемлющий все Бог, идя в Египет, путь совершал в Своем служителе. Отчего и написано: «Пошел Бог в Египет, чтобы выкупить народ

³ Имеются в виду проповедники Христовы. — *Примеч. пер.*

Свой» (ср. 2 Цар. 7, 23). Смотрите, шел Тот, Чья вездесущность объемлет все; сказано так в том смысле, что Бог, величием Своим пребывающий всюду, как бы шествовал посредством проповеди, совершая путь.

20. Но для убеждения [слушателей] было бы недостаточно слов этим святым проповедникам, если бы к ним не добавились еще и чудеса. Потому после того, как было сказано: «Если Он захочет простереть облака, как шатер Свой», справедливо добавляется: «и сверху озарить светом Своим». Ибо что мы должны понимать под «озарением», если не чудеса? О чем сказано у псалмопевца: «Умножишь зарева и смешаешь их» (ср. Пс. 17, 15). Так вот, посредством этих облаков Он «сверху озарил светом Своим» в том смысле, что через святых проповедников он также чудесами разгоняет мрак нашей бесчувственности.

21. И когда эти облака проливаются дождем слов и когда посредством чудес открывают силу сияющего света, они даже самые дальние пределы мира преобразуют в божественной любви. Поэтому справедливо добавлено: «покроет море до края». Еще только должно было произойти то, что мы слышим в словах Елиуя, и уже, как мы видим, случилось по воле Божией. Ибо Всемогущий Господь покрыл сияющими облаками пределы моря в том смысле, что посредством ослепительных чудес, [совершенных через] проповедников [**Р. 556**], Он привел к вере самые пределы мира.

Смотрите, ведь Он проник в сердца почти всех народов! Смотрите, Он связал единой верой границы запада и востока! Смотрите, язык Британии, который ни на что не был способен, кроме как издавать варварский скрежет, недавно начал, прославляя Бога, вторить еврейской «Аллилуйе»! Смотрите, океан, прежде бушующий, теперь покорился и успокоился под ногами святых, и его варварские волны, которых не могли обуздать силой меча мирские князья, связывают через страх Божий уста священников самыми простыми словами, и тот, кто, будучи неверующим, совершенно не боялся вооруженных отрядов, теперь, став верующим, трепещет перед языком смиренных [пастырей]. Ибо поскольку добродетель божественного знания изливается в него посредством небесных слов, а также ослепительных чудес, то он настолько обуздан страхом перед Божественной силой, что боится поступать превратно и всеми силами стремится достичь благодати вечности. Поэтому уместно здесь добавлено:

ХП, 22. «Ибо сим *Он судит народы, дает пищу* многим смертным» (ср. Иов 36. 31).

Разумеется, сими словами проповедников, то есть каплями из облаков, сими заревами чудес Бог судит народы в том смысле, что призывает их исполненные страха сердца к покаянию. Ибо, слушая о небесном, видя чудеса, люди обращаются к сердцам своим и, укоряя самих себя за прежние превратные поступки, страшатся вечных мук. Но посредством тех же облаков, через которые внушается страх, дается также пища, поскольку великое предопределено проповедникам, и благодаря сему [предопределению] они умеют поражать умы возгордившихся настолько, насколько словами утешения умеют поддерживать павших духом: они и грешников пугали, говоря о вечных муках, и кающихся поддерживали тем, что говорили о радостях Царствия Небесного. Порядок такового устройства хорошо виден из последовательности, в которой Елиуй сообщает [о сем]: что Бог сначала посредством облаков судит народы, а потом дает пищу, ибо, разумеется, Всемогуший Бог сначала через проповедников Своих ранит нас, порицая за превратные поступки, а потом уж укрепляет, утешая надеждой. Ибо если бы Божественное устройство не совершало суда посредством этих облаков, Он никогда бы не сказал этим самым облакам: *примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся* (Ин. 20, 22–23). Опять же, если бы Господь не насыщал наши изголодавшиеся сердца через них, то Он никогда бы не сказал ученикам об алчущем народе: *вы дайте им есть* (Мф. 14, 16; Лк. 9, 13; Мк. 6, 37). Мы верим, что тогда это было так сделано руками их, что мы видим, как сие делается теперь каждодневно и непрерывно посредством слов их. В самом деле, что делает Петр, когда говорит через Послания, если не насыщает наши несчастные алчущие сердца пищей слов? Что делают Павел и Иоанн, разговаривая через Послания, если не предлагают небесную пищу умам нашим, чтобы сии [умы] преодолевали пренебрежительное отношение к голоду, из-за которого умирают? **[Р. 558]** Потому пусть будет сказано: «Если Он захочет простереть облака, как шатер Свой, и сверху озарить светом Своим, то покроет море до края. Ибо сим *Он судит народы, дает пищу* многим смертным» (ср. Иов 36, 29–31). Это как если бы он сказал: «Когда Он направляет святых Своих для служения проповеди и помогает словам их чудесами, Он призывает к вере пределы всего мира и через это сначала осуждает возгордившихся, а потом, насыщая словом утешения, укрепляет в вере смиренных».

23. Но когда он говорит, что Бог дает пищу смертным, обратить внимание нужно на то, что он не говорит «всем», но «многим». Конечно же,

это потому, что написано: *ибо не во всех вера* (2 Фес. 3, 2). И некоторым было сказано: *Вы потому не слушаете, что вы не от Бога* (Ин. 8, 47). И еще: *никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня* (Ин. 6, 44). И вновь: *познал Господь Своих* (2 Тим. 2, 19). Отчего даже в самой Святой Церкви многие люди сохраняют веру и сохраняют жизнь по вере, принимают таинства смирения Господне-го, но отказываются подражать Господнему смирению; они слушают сладостные проповеди Божественного слова, но страшно упорствуют в гордыни. Потому и здесь, после того как обширность всей собранной Церкви была обозначена через «пределы моря», справедливо добавлено:

ХІІІ, 24. «Он сокрыл свет от спесивых» (ср. Иов 36, 32).

Разумеется, спесивыми являются те, кто возносит себя в надменных помыслах. В осуждение им сказано у Исаии: *Горе вам, которые мудры в своих глазах и разумны пред самими собою!* (Ис. 5, 21). В осуждение им говорит и Павел: «Не будьте мудры перед самими собой» (ср. Рим. 12, 16). Свет же сокрыт от спесивых в том смысле, что надменные, конечно же, лишаются знания истины. Поэтому сказала Истина: *славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам* (Мф. 11, 25; Лк. 10, 21), разумеется, называя мудрыми и разумными возгордившихся. Ведь Он, не сказав: «Ты открыл то глупцам», но сказав «младенцам», ясно дал понять, что осуждает их гордыню, а не знание. Поэтому и в другом месте сказано: *Хранит Господь младенцев* (Пс. 114, 6). И чтобы показать, кто названы младенцами, добавлено: «я смирился, Он избавил меня» (ср. Пс. 114, 6). Так вот, поскольку многие в Церкви презирают быть младенцами, они, не желая смириться, тем не менее перестают быть спесивыми даже в своих глазах. Ты часто видишь их, возвышенных почестями, получающих сладость от удовольствий, кичащихся множеством богатств. Они порой ничего другого и не желают, кроме как быть выше других, им приятно, что многие трепещут перед ними, они не хотят праведно жить, но желают, чтобы разносился слух об их праведной жизни, они жаждут лести и кичатся от похвал. И поскольку они ревностны в стяжании преходящих благ, то не ищут грядущих радостей. И поскольку их влечет за собой то одно, то другое, то они, очевидно, не принадлежат самим себе. При этом, если случается какое-то испытание их веры (ведь хотя бы внешне они пребывают в ней), они защищают ее то словами, то трудами и претендуют на небесное отечество, хотя и не любят его. [Р. 560]

25. Такими у Моисея изображены были сыны Рувимовы и Гадовы и половина колена Манассии, которые, обладая многочисленными стадами скота и желая получить равнины, которые они видели за Иорданом, отказались иметь наследие в земле обетованной, говоря: *земля, которую Господь поразил пред очами сынов Израилевых, весьма богата для выпаса животных, а мы, рабы твои, имеем многочисленные стада и молим тебя: если мы нашли благоволение в глазах твоих, отдай землю сию рабам твоим во владение; не переводи нас чрез Иордан* (ср. Чис. 32, 4–5). Так вот, те, у кого множество стад, избегают переходить через Иордан, потому что они, увлеченные множеством мирских забот, не ищут обители небесного отечества. Но та вера, которой они внешне придерживаются, побуждает их к этому [поиску], чтобы не пребывали они в неге, наслаждаясь покоем, и примером своим не увлекали других от трудов, требующих терпения, а также от проявления стойкости. Поэтому было сказано им Моисеем: *неужели братья ваши пойдут на войну, а вы останетесь здесь? для чего вы отвращаете сердце сынов Израилевых?* (Чис. 32, 6–7). Но поскольку они не стыдятся защищать то, что исповедуют, то спешат вступить в бой за веру, которую исповедовали, и защищают ее, но не для себя, а для ближних. Поэтому они говорят Моисею: *мы построим здесь овчие дворы для стад наших и укрепленные города для детей наших; сами же мы первые вооружимся и пойдем пред сынами Израилевыми* (Чис. 32, 16–17). И скоро они смело идут вперед, освобождают землю обетованную от врагов и возвращаются, чтобы пасти стада за Иорданом. В самом деле, многие люди, хотя и являются верующими, все же, предаваясь нынешним заботам, они словно бы пасут стада за Иорданом, потому что вопреки вере Крещения всем сердцем своим и всем помышлением остаются рабами преходящих вещей. Но все же, как мы сказали, когда случается испытать веру, они вооружаются для защиты ее. Они одолевают врагов веры и истребляют их, но не любят наследство земли обетованной, то есть плодов веры, и они так сражаются за нее, чтобы при этом увести то, что близко им, за ее пределы. В самом деле, поскольку детей своих они имеют за ее пределами, то и не имеют привязанности к обители сей [небесной отчизны]. Потому они возвращаются на равнины в том смысле, что спускаются от надежды на небесные вещи, словно бы с высоких вершин гор, чтобы пасти неразумных животных за пределами земли обетованной в том смысле, что направляют неразумные порывы души на то, чтобы насытить свои тщетные

желания. Ибо, будучи ослеплены преходящими заботами, они не знают, сколь велико сияние вечного света, и, кичась земными богатствами, закрывают себя от проникновения небесного света.

Потому справедливо здесь говорится: «Он сокрыл свет от спесивых». Но все же порой благодать свыше заботится о таких спесивых и поражает их посредством тех же самых забот об увеличении благ и их процветание наполняет хотя и тяжкими, но все же полезными страданиями, чтобы они, опечаленные, обращались к своему сердцу и постигали, сколь тщетна их погоня за преходящими благами.

Поэтому и здесь, после того как было сказано о сокрытии света, справедливо добавлено: [Р. 562]

XIV, 26. «И повелевает ему появиться вновь» (ср. Иов 36, 32).

Потому что свет Истины, сокрытый от гордых и надменных умов, открывается опечаленным и смиренным. Свет, разумеется, появляется, когда опечаленный ум признает, что мрак страданий он претерпевает из-за стяжания бранных благ, и если бы не было внутреннего света, он совершенно не воспринимал бы ничего и не заметил бы, что утратил свет. Это может быть понято прежде всего в отношении иудеев, которые по той причине осмелились выступить против нашего Спасителя, пришедшего во плоти, что были спесивы в своих помыслах. Свет был сокрыт от этих спесивых людей, потому что, преследуя в гордыне свет Истины, они утратили его. Но поскольку в конце мира они должны быть допущены к вере, справедливо добавлено: «И повелевает ему появиться вновь». Поэтому также и Исаией было сказано: «Если число сынов Израиля будет подобно песку морскому, то остаток спасется» (ср. Ис. 10, 22). Тогда, разумеется, свет возвратится к ним, когда они сами вернутся к исповеданию могущества Искупителя нашего.

27. Но если мы воспримем «от спесивых» не как одно существительное в дательном падеже (*immanibus*), но как две части речи⁴, то можно понять, что свет сокрыт в руках (*in manibus*), когда перед праведным Судией неправедные люди оказываются слепы в отношении

⁴ В латинском переводе тот отрывок из стиха Книги Иова, который разбирает свт. Григорий, звучит следующим образом: *immanibus abscondit lucem* — «Он сокрыл свет от спесивых». Теперь свт. Григорий предлагает первое слово прочесть как существительное с предлогом, в результате чего фраза получит следующую форму: *in manibus abscondit lucem* — «Он сокрыл свет в руках». — *Примеч. пер.*

собственных дел. Но все же свету приказывается появиться вновь, потому что, когда грешники осознают, что не могут быть спасены своими собственными силами, они получают свет благодати и просвещаются лучами сокровенной поддержки, так что с еще бóльшим рвением любят небесное отечество, чем прежде, когда они светились земными радостями. Но когда мы говорим подобное о небесной отчизне (в которой, как мы слышим, пребывают сонмы Ангелов, одаренные восхитительным сиянием; которой управляет Создатель всего сущего, наполняющий ее Своим взором; чьим истинным наследием является свет и где нет недостатка в этом свете), мы обращаем мысли к себе и сознаем, что носим на себе земные члены; видим, что мы, рожденные во тьме и далекие от лучей внутреннего света, жили тем более греховно, чем более преданы были земным заботам и пребывали вдали от духовных вещей. И сердце, пораженное сей мыслью и сознавая себя грешным, тревожится и наполняется отчаянием: сможет ли оно стать гражданином этой отчизны, о которой оно слышит? Потому здесь в дополнение прямо сказано о том, когда испуганный ум возвращает себе уверенность. В самом деле, вскоре прибавляется по поводу этого света:

XV, 28. «Он сообщает о нем другу Своему, что это его собственность и что он может подняться к нему» (ср. Иов 36, 33).

Друг Истины — тот, кто любит праведную жизнь. Отчего Сама Истина говорит ученикам: *Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам* (Ин. 15, 14). Ибо «друг» (*amicus*) означает «хранитель души» (*animae cunctos*). Потому не без основания именуется другом тот, кто старается соблюсти волю Божию в заповедях Его. По этой причине Истина вновь говорит тем же ученикам: *Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего* (Ин. 15, 15). Итак, Бог сообщает другу Своему об этом свете вечного отечества, что это его собственность, чтобы он никогда не отчаивался по поводу себя из-за бренности своей немощи, чтобы он думал не о том, что сотворен, а о том, что восстановлен. Но тем тверже будет его уверенность в том, что он обладает тем светом, чем вернее теперь попирает **[Р. 564]** тьму докучающих ему грехов.

Но правильно добавлено в рамках обетования: «он может подняться к нему». Ибо что может быть труднее, чем взойти на высоты небес и проникнуть в сокровищницы небесных духов человеку, рожденному на земле и носящему земные и хрупкие члены?

29. Но Создатель сих духов пришел к нам и явил Себя человеком ниже их, как сказано о Нем Отцу у пророка: *Не много Ты умалил Его пред Ангелами* (Пс. 8, 6; ср. Евр. 2, 7). И поскольку Он нашел между нами и этими самыми духами преткновение несходной жизни, то силой удивительного могущества и еще более удивительной доброты Он, созидавая высшее и принимая низшее, соединил низшее с высшим. Вот почему при рождении Сего Царя появляются хоры Ангелов, чтобы возвестить о Нем, и поют гимн; и поскольку несходство их [жизни] с недостойной жизнью [людей] было преодолено, признают гражданами тех, в отношении кого еще недавно отчаивались, и в один голос возвещают: *слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!* (Лк. 2, 14). Они как будто бы говорят: «Тех, кого отделяло от нас нечестие, теперь пусть соединит с нами Доброта, рожденная на земле». Отсюда следует, что до Его Воплощения, как мы читаем в Ветхом Завете, человек поклонялся Ангелу, и это поклонение не запрещалось ему, но, когда Иоанн после Пришествия Посредника пал перед Ангелом, поклоняясь ему, он услышал: *смотри, не делай сего; я сослужитель тебе и братьям твоим* (Откр. 19, 10; 22, 9).

Почему Ангелы прежде спокойно позволяли, чтобы человек поклонялся им, а потом запрещали? Именно потому, что раньше чем более низменным они видели человека, преданного плотской порче и еще не искупленного от этой самой плотской порчи, тем более справедливо презирали его, а потом они уже не могли считать человеческую природу низкой, увидев ее в Создателе своем, когда она оказалась выше даже их самих. Ибо сия природа не должна уже была быть презираема как низменная в членах, ибо она заслужила уважение, оказавшись возвышенной в Главе этих членов. Стало быть, Он, став ради нас ниже Ангелов, добродетелью Своего уничижения сделал нас равными Ангелам (ср. Евр. 2, 7). И вот смертью Своей Он научил нас не бояться смерти, воскресением — надеяться на жизнь, вознесением на небо — радоваться по поводу наследия небесного отечества, чтобы и члены радовались тому, что последуют туда же, куда прежде, как они видели, удалилась их Глава. Поэтому справедливо сказано этой Самой нашей Главой: *ибо, где будет труп, там соберутся орлы* (Мф. 24, 28; Лк. 17, 37). Поэтому и Петр говорит: *к наследству нетленному, чистому, неуязвальному, хранящемуся на небесах* (1 Пет. 1, 4). Поэтому и Павел говорит: *Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный* (2 Кор. 5, 1).

30. Но если и мы, рожденные на земле, вознесемся на небо, то как же говорит еще раз Истина: *Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах* (Ин. 3, 13)? Ибо этому прямо противоречит то, что сказано той же Истиной: *Отче! хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною* (Ин. 17, 24). Истина не противоречит Себе в Своих словах, но воспламеняет наш ум пытливно исследовать то, что кажется противоречивым. Так вот, все мы, рожденные в Его вере, без сомнения, являемся Его Телом. **[Р. 566]** И хотя Господь, отвергнув множество нечестивых, в соответствии с удивительным замыслом милосердия стал Главой Своих членов, все же Он — один, даже вместе с нами. *Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах*, потому что, хотя мы уже стали одно с Ним, Он даже в нас один возвращается туда, откуда один пришел в Себе; и Он, вечно сущий на небесах, каждодневно восходит на небеса, потому что Он, в божестве сущий превыше всего, каждодневно возносит Самого Себя на небеса в Своем человечестве.

Потому пусть не отчаивается в отношении себя человеческая немощь, пусть она помнит о крови Единородного и о цене, заплаченной за себя, увидит, сколь велико то, что стоит так дорого. Пусть задумается она о том, куда удалилась ее Глава, и пусть она крепко держится заповедей Его, относящихся к сей жизни, и пусть примером Его укрепитя в надежде своей. Пусть надеется достичь небес, пусть надеется на вышнюю отчизну, пусть осознает свою сопричастность Ангелам и пусть радуется, что в своей Главе она даже превосходит Ангелов.

Так вот, пусть будет сказано о свете вечного отечества: «Он сообщает о нем другу Своему, что это его собственность и что он может подняться к нему» (ср. Иов 36, 33). Впрочем, весьма удивительно и внушает трепет то, что человек, сотворенный на земле и по заслугам своим осужденный быть вдали от небесного отечества, не только возвращается к состоянию, в котором был сотворен, но и возвышается до более славного состояния, так что тот, кто утратил рай, обретает небеса и не только не несет наказание за свою вину, но и после вины своей обретает еще большие дары, так что тот, кто презирал Бога, кто подражал диаволу, если он обращается к плодам покаяния, поднимается до самых высот созерцания внутреннего света. Так чье же сердце не затрепещет в восхищении этакою милостью? Чья косность не ужаснется, размышляя о столь возвышенных вещах? Поэтому-то прямо добавлено:

XVI, 31. *И от сего трепещет сердце мое и подвиглось с места своего* (Иов 37, 1).

Потому что пока страх поражает ум, он отдаляет его от самого себя. Латинские переводчики иногда называют страхом восторг, как сказано у псалмопевца: «Я в страхе моем сказал: *отвержен я от очей Твоих*» (Пс. 30, 23). Здесь, разумеется, могло быть сказано не «в страхе», а «в восторге», но здесь использован вместо восторга страх, потому что ум отчуждается от себя как в восторге, так и в страхе. Отчего здесь после [слов о] созерцании света вечного отечества справедливо добавлено: *от сего трепещет сердце мое*. Он как будто бы сказал: «В восторге восхищения оно выходит из себя, и поскольку ум вдохновлен духом новой надежды, он покинул себя такого, каким он был, имея прежние помыслы».

32. При этом правильно сказано: *и подвиглось с места своего*. Разумеется, это место человеческого сердца находится в удовольствиях нынешней жизни. Но когда в наше сердце проникает Божественное дыхание, рождается любовь к вечности. И вот благодаря помыслам о вечной отчизне ум подвигается со своего места, потому что он оставляет то, что внизу, и утверждает в помыслах о вышнем. Ибо прежде он не ведал того, что является вечным, и, радуясь преходящему, коснел и, будучи преходящим, держался преходящего, любя его. Но после того, как он познал то, чтоечно, после того, как он в помыслах своих достиг лучей вечного света, **[Р. 568]** он, движимый восхищением горним, поднялся от дольного, так что уже ни в чем не видит радости, кроме как в вечном, и, презрев преходящее, не ищет ничего, кроме непреходящего. Так что верно сказано: *от сего трепещет сердце мое и подвиглось с места своего*. Ибо когда закосневшее сердце, издавна преданное земным помыслам, выйдя вдруг из себя, устремляется к вышнему, оно покидает место низших помыслов. Но поскольку ум спит, охваченный любовью к нынешнему веку, и пока он (если только не окажется пробужден дуновением Божественной благодати) коснеет в своих радостях, холодный и бесчувственный, необходимо, чтобы [Елиуй] добавил, каким образом внутренние помыслы пробуждают ум или даже как он начинает ощущать духовное. Далее следует:

XVII, 33. «Услышит оно слух в страхе гласа Его и звук, *исходящий из уст Его*» (ср. Иов 37, 2).

Это обычно для Священного Писания: когда оно сообщает, что нечто воспринимается через слух, оно говорит, что кто-то слышит

слух, как сказано у Аввакума: *Господи! услышал я слух и убоился* (Авв. 3, 2). Поэтому и здесь сказано: «Услышит оно слух в страхе гласа Его». Но внимание обратить следует на то, что сказано, что глас Божий слышится не в радости, а в страхе. Это, разумеется, сказано потому, что, если вдруг грешника, пока он помышляет только о земном, пока носит сердце, обремененное низкими помыслами, коснется дыхание Божественной благодати, он сознаёт прежде всего то, что все дела его заслуживают строгого порицания со стороны Вечного Судии. Итак, слушание гласа Господня происходит сначала в страхе, чтобы потом [глас] обратился в сладость, потому что сначала он наполняет нас страхом перед строгим Судией, дабы потом, когда мы уже выслушаем упрек, ободрить нас, утешив вышней сладостью. Ибо если, после того как владело нами необузданное наслаждение преходящими вещами и отягощало очи нашего ума, погружая нас в сон косности, рука небесной помощи внезапно пробуждает нас, то мы тотчас же открываем давно закрытые очи ума к свету истины; мы вспоминаем о совершенных нами грехах и видим, сколь строгий Судия идет судить за них; и ум наш видит, сколь важно пришествие столь великого Судии, сколь велико собрание людей и Ангелов, с какой силой сражаются с нечестивцами пламенные стихии, сколь страшен вечный приговор, исходящий из уст строгого Судии, произнесенный нечестивцам: *идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его* (Мф. 25, 41). Наказание этих нечестивцев открывается взору, и в тягостной тьме горечи становится ясно, какова тьма ада. Так вот, поскольку сердце, исполненное гордости, сначала трепещет от страха, чтобы, потрясенное, оно потом утвердилось в любви, правильно здесь сказано: «Услышит оно слух в страхе голоса Его». И правильно добавлено: «и звук, исходящий из уст Его».

34. Звук из уст Божиих — это сила страха, вышним дыханием наполняющая нас. Ибо когда Господь через дуновение наполняет нас помыслами о грядущем, Он, без сомнения, вселяет в нас страх по поводу наших дурных поступков. Однако «уста Бога» могут обозначать Единородного Сына, Который именуется как рукою Его⁵ — ибо

⁵ Ср.: *Ириней Лионский, свт.* Против ересей. I, 22, 1; II, 2, 4; *Григорий Нисский, свт.* О жизни Моисея, 28–30. — *Примеч. пер.*

Отец все совершает через Него, [Р. 570] и о Котором говорит пророк: *и кому открылась рука Господня?* (Ис. 53. 1), а также Иоанн говорит: «Все через Него было сотворено» (Ин. 1, 3), — так и устами. Поэтому-то и говорит пророк: *уста Господни изрекли это* (Ис. 58, 14). Ими Он говорит нам все. Очевидно, именем «уста» обозначается «слово», подобно тому как мы обычно используем слово «язык» вместо «слова», так что, произнося латинские и греческие слова, мы говорим на греческом и латинском языке. Так что мы не без основания под устами Господа понимаем Его Самого. Отчего и невеста говорит Ему в Песни Песней: *Да лобзает он меня лобзанием уст своих* (Песн. 1, 1). Она как будто бы говорит: «Да коснется Он меня сладостью присутствия Единородного Сына, Испытателя моего».

Впрочем, звук уст может означать Святого Духа Того же Господа. Потому-то и написано в другом месте о звуке в значении сего Духа: *И внезапно сделался звук с неба, как бы от несущегося сильного ветра* (Деян. 2, 2). Так вот, звук исходит из уст Господа, когда Единосущный Ему Дух, приходя к нам через Сына, пробивается сквозь глухоту нашей нечувствительности, как говорят уста Господа о сем беспредельном и бестелесном звуке: *от Моего возьмет и возвестит вам* (Ин. 16, 15). Поэтому «страх гласа Его» может быть воспринят как сила трепета, а «звук из уст Его» — как сладость утешения, потому что тех, кого наполняет Святой Дух, сначала Он пугает по поводу земных поступков, а потом утешает надеждой на небесное, чтобы они тем больше радовались потом, будучи уверенными в обретении наград, чем более прежде они боялись, предвидя только наказания. Поэтому Павел говорит о сем Духе Единородного как о звуке из уст Его: *Потому что вы не приняли духа рабства, [чтобы] опять [жить] в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: «Авва, Отче!»* (Рим. 8, 15). Поэтому и Истина Сама говорит: *примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся* (Ин. 20, 22–23). Смотрите: страх обращенных превращается в силу, ибо, осуждая свои грехи в покаянии, они поднимаются до осуществления суда, так что получают от Бога возможность совершать то, исполнения чего Богом они прежде боялись. Воистину, судьями становятся те, кто очень боялся Вышнего Суда; и начинают отпускать чужие грехи те, кто прежде сам боялся, что на них останутся их собственные. Но поскольку этот самый Суд, который вершится духовно, не виден теперь плотским людям, некоторые считают, что Бог не заботится

о человеческих делах, и думают, что они происходят случайным образом. Против таких справедливо добавлено:

XVIII, 35. «Над всеми небесами взор Его и свет Его — над краями земли» (ср. Иов 37, 3).

Тут как будто сказано: «Кто властвует над вышними, не оставляет также и самое далекое». Потому что забота по управлению так направлена на великие вещи, что не остаются в стороне и малые. Ибо Тот, Кто пребывает всюду и всюду Один и Тот же, в различных ситуациях не отличается от Себя Самого. Потому одинаково относится ко всему и одинаково все располагает Тот, Кто, хотя и присутствует во всех местах, тем не менее не ограничен местом и не изменяется, заботясь о разном.

Если же мы под небесами [**Р. 572**] понимаем святых проповедников, следуя свидетельству пророка, который говорит: *Небеса проповедуют славу Божию* (Пс. 18, 2), то справедливо после того, как посредством звука уст было выражено нисхождение Святого Духа, было добавлено: «Над всеми небесами взор Его и свет Его — над краями земли».

36. Ибо есть такие люди, которые, когда слышат об удивительных делах апостолов, — что, получив Святой Дух, они словом воскрешали мертвых, изгоняли бесов из одержимых, устраняли немощи своей тенью, предсказывали грядущее в пророчествах и, говоря на языках всех народов, проповедовали Единородное Слово Божие (см. Деян. 5, 12–16; 9, 40; 2, 4), — поскольку ныне они не видят таких чудес в Церкви, предполагают, что Церковь теперь лишена вышней благодати, забывая о важности того, что написано: «Он — прибежище в трудностях и в мучениях» (ср. Пс. 9, 10). Разумеется, тогда Святая Церковь нуждалась в помощи чудес, когда она подвергалась мукам гонений. Ведь после того, как она преодолела гордыню неверия, она нуждалась уже не в знамениях чудес, а только в достойных деяниях, хотя, когда это необходимо, являет и чудеса через многих. Ибо написано: *языки суть знамение не для верующих, а для неверующих* (1 Кор. 14, 22). Когда же все являются верующими, в чем необходимость того, чтобы были явлены чудеса? Возможно, мы скорее получим ответ на этот вопрос, если вспомним ситуацию с апостолом.

37. В самом деле, Павел, блистательный проповедник, придя в Мелит и зная, что остров полон неверующих, исцелил молитвой отца Публия, страдавшего дизентерией и лихорадкой (ср. Деян. 28,

8), все же посоветовал недужившему Тимофею: *употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов* (1 Тим. 5, 23). О, Павел, почему ты возвращаешь здоровье неверующему больному посредством молитвы, при этом столь великому защитнику Евангелия предлагаешь, наподобие врача, в качестве заботы лишь пищу? Разве что потому, что внешние чудеса совершаются для того, чтобы человеческие умы могли быть приведены к внутренним, поскольку через то, что зримо явлено как чудо, могла возникнуть вера к тем невидимым вещам, которые еще более чудесны! Разумеется, отец Публия должен был быть исцелен с помощью чуда, чтобы, вернувшись посредством чуда к здоровью, ожить умом, а Тимофею не нужно было являть никакого чуда извне, потому что он уже был полон жизни внутри. Что же удивительного в том, что чудеса, после того как вера распространилась повсюду, не случаются часто, если даже сами апостолы не совершали их для тех, кто уже стал верующим?

Так вот, взор Господа с высочайших небес обращен на низшее, потому что даже после удаления [на небеса] величайших проповедников Он постоянно исцеляет низшее от нашей немощи. И свет Его как бы до краев земли под небесами, потому что после возвышенной жизни тех, кто был прежде, Он наполняет сиянием Своей благодати поступки и нравы даже грешников. И хотя Он не часто теперь являет чудесные знамения через жизнь верующих, однако же, являя силу дел, никогда не покидает сих верующих. Впрочем, «свет над краями земли» можно понимать и таким образом, что проповедь небесной благодати, собирая народы для веры, заключила в себе все пределы мира. [Р. 574]

38. Или, пожалуй, края земли — это окончания жизни грешных людей. Часто бывает так, что многие оставляют Бога и расточают время своей жизни на плотские утехы. Однако же, тронутые Божественной благодатью, они возвращаются к Богу при кончине своей, они узнают, каковы вечные приговоры, вспоминают обо всем превратном, что они совершили, корят себя в слезах, праведными делами доказывают, что искренне отрекаются от сих [превратных дел]. И когда в них торжествует праведность, разумеется, отпускается им все, что прежде они совершили. Поэтому-то и говорит Анна духом пророчества: «Господь судит концы земли» (1 Цар. 2, 10). Потому что Бог, конечно же, не судит прежнюю жизнь, когда взором высшего милосердия освещает последующие дела грешников. Поэтому говорит Моисей:

«первенца ослицы обменяй на агнца» (ср. Исх. 13, 13). Под ослом, конечно же, разумеется нечистота, под агнцем же — невинность. Поэтому обменять первенца ослицы на агнца значит обратить первые [годы] нечистой жизни в простоту невинности, так чтобы грешник, сделав то, что Господь отвергает как нечистое, совершал [потом] то, что он принесет в жертву Богу. И вот, поскольку грешник после превратных поступков обращается и однажды, ближе к кончине, возвращается из тьмы таковых дел, справедливо теперь сказано: «и свет Его — над краями земли». Но великой скорбью поражает та же самая благодать, которая наполняет ум после [совершения] грехов. Ведь она воскрешает в памяти дурные поступки и показывает человеку, сколь справедливым должно быть ему наказание. Потому происходит так, что он каждодневно оплакивает всякий совершенный им грех, который он вспомнил. И чем больше он способен различать, что является праведным, тем более страстно его желание покарать себя, нечестивого, стонами. Отсюда прямо добавлено:

XIX, 39. «После него будет реветь воем» (Иов 37, 4).

Ибо кого просвещает Господь, жизнь того Он наполняет слезами, и чем больше Он внушает просвещенному уму [мысль о] вечном наказании, тем более наполняется он стонами о прошлых грехах; и человек печалится о том, кем он был, потому что теперь он начинает различать доброе, чем он не обладал. Он ненавидит себя того, каким он, как он помнит, был. Он любит себя таким, каким, как он сознает, должен был быть, а теперь любит только горечь раскаяния, ибо он со страхом смотрит, из-за каких наслаждений он согрешил, потакая своим желаниям. Потому правильно сказано: «После него будет стоять вой», потому что, когда Бог проникает в ум, становится, конечно, очевидно, что тот, который прежде радовался беззакониям, и веселье его заслуживало плача, вот-вот издаст стон покаяния и прольет спасительные слезы. Но чем сильнее плач о грехе, тем выше он поднимается в постижении истины, потому что совесть, прежде скверная, обновляется крещением слез⁶, чтобы узреть внутри себя свет.

⁶ Ср.: *Иоанн Лествичник, прп. Лествица. 7, 6. — Примеч. пер.*

St. Gregory The Great, Dialogos Moralia on Book of Job. Book XXVII (Part I)

Translated from Latin into Russian

Vladimir M. Tyulenev,

Doctor of History, Professor of the Department
of General History and International Relations Ivanovo State University
39, Yermak St., Ivanovo, 153025
tyulenev.vl@yandex.ru

For citation: St. Gregory The Great, Dialogos. «Moralia on Book of Job». Book XXVII. (Part I). Translated from Latin into Russian by V. M. Tyulenev. *Diakrisis*. 2023. № 1 (17). P. 139–168. (in Russian). DOI: 10.54700/diakrisis.2023.1.17.005

Abstract. The reader is herewith presented with XXVII book of the major exegetical treatise «Moralia on the Book of Job» (or rather «Interpretation on the Book of Job, or Moral Interpretations» — «Expositio in librum Iob sive Moralia») by St. Gregory Dialogos, Pope of Rome (540–604), written in 35 books based on the conversations of St Gregory during his service as apocrisiary of the Roman Bishop in Constantinople. Now this XXVII book translated completely into Russian for the first time. This book interprets the lines of Job 36, 22–37, 24, which outline the dialogue between the righteous Job and his friend Elihu. The meanings that St Gregory touches on the interpretation of the speeches of both persons, which contain a very wide Christian thematic spectrum: the fall of the human race, the need for the Coming of the Redeemer, the Incarnation and the redemptive work of the Lord Jesus Christ, the life of the Church and the righteous, the wicked and those who repent of their sins, sin, grace, punishment from God, stages of spiritual life and virtues of a Christian, etc.

Keywords: Jesus Christ, St. Gregory the Great, Dialogos, Book of Job, Christianity, Christian Church, biblical exegesis.